

Карнавальный хлопок одной ладонью

*Настоящему счастью нужны хорошие тормоза.
Иначе оно обгонит всех и умчится в будущее.*

Висеть за перилами крыльца, уцепившись пальцами за кованый орнамент, а носками упершись в планку на пороге – было жутко неудобно. Начинала кружиться голова, болели пальцы, а проплывавший внизу ковыль щекотал ноги.

- А вот и вижу, вот и вижу! – закричала Белла. Только Яромир на этот крик не поддался, сестра уж слишком фальшивила и хотела выманить его из укрытия.

- Вот ты где! - закричала она через секунду из другой комнаты.

Но крики не приносят победы - Яромир самым краем уха расслышал крик из библиотеки «Палец-тукалец Костя!» Первый.

Торопливый перестук сандалий, и новый крик «А вот вижу!!»

Тут дом вдруг начал разворачиваться, пальцы не выдержали, и Яромир с криком полетел в случайный куст.

Совсем рядом, блестя окнами и вращая флюгерами, поворачивался дом.

- Помогите!! – Яромир кричал больше от обиды, чем от страха.

Дом всегда чувствовал крик любого из своих жильцов. А о том, чтобы оставить мальчишку посреди степи, и речи быть не могло.

Через пять минут он уже стоял перед отцом в его мастерской. Остальные дети толпились за дверьми.

- Ну и? – отец любил мастерить башмаки самых неожиданных фасонов, и теперь забивал маленькие черные гвозди в подметки очередного обувного изыска.

Яромир вздохнул.

- Сколько раз было сказано – пока едем, никаких выходов.

Отцу было всё равно, но мать боялась, что дети будут пытаться догнать дом, или неудачно спрыгнуть, и обязательно что-нибудь себе поломают.

- Я случайно, он повернул. Прятки.

- Ты бы еще под низом устроиться попытался бы. Вообще бы не нашли, - молоток цокнул по шляпке.

- Я...

- Ты ни в чем не виноват, уже слышал, - отец добавил в голос язвительности.

Яромир замолчал.

- Идешь к деду, сидишь у него до конца дня. Только быть умнее прошлого раза, и не изображать понос, - снова вороненый молоток ударил по шляпке, - Прятки...

Только он вышел из мастерской, как младшая сестра добавила веселья: «Теперь ты водишь». Наташа и Мелитон смотрели сочувственно.

- Куда мы теперь? – Яромир показал на холмы за окном – дом набирал ход.

- Север, - Мелитон взмахнул рукой.

- Но зачем?

- Карнавал, - удивленно посмотрел на него Костя, - Это же круто! Ты забыл?

- Я сказал к деду идти! Это наверху!! – отцовский голос пробился сквозь дверь.

- Иду! – Яромир почесал в затылке, - Только к Маринке без меня в гости не идите.

Белла высунула язык и хотела добавить что-то обидное, но Мелитон дернул её за ухо.

- Мы по играм сидеть будем, - ответил он за всех.

Ступеньки под ногами скрипели отвратительно. Дед с бабкой жили в башенке – на третьем этаже. Она днем еще могла спуститься к остальным, но он как прибитый сидел за своей математикой.

И заставлял учить её всех детей.

Особенно мерзко было оттого, что дед сидел под самой крышей: потолок его кабинета был прозрачным, и видно было далеко. А приходилось тупо смотреть в дисплей. И даже множество занимательных вещиц на полках, вроде пистолетов или кинжалов, толком не

удавалось разглядеть, дед не любил, когда трогали. Только одна непонятная надпись - «Останься человеком!» - постоянно бросалась в глаза.

- Та-а-акс, судя по мрачному лицу, прибыл новый жаждущий знаний?

- Вроде того.

- А в прошлый раз что у нас было? Дискриминант и много квадратов, - дед движением пальцев подозвал большой дисплей на ножке, и тот изогнулся перед человеком, как подсолнух, - Садись. Зачем в уравнениях используется дискриминант?

И так три часа подряд – еще пришлось самому решать задачи, а дисплей, как на зло, не хотел думать вместо человека. Но ведь должен? А когда опускались руки и голова отказывалась работать, дед снова и снова капал на мозги, язвил.

- Ничего, вот мы логарифмы скоро начнем, а через пару лет ты и до интегралов дорастёшь. А то, понимаешь, светлая голова, непонятное чем занятая, надо её к делу приставить...

К ужину дед прекратил нудное бурчание и поучительные рассуждения – можно было идти вниз.

Семья всегда собиралась в центральном зале, где большой камин зажигали только по главным праздникам, и на втором уровне пылились тысячи томов семейной библиотеки.

- И где тебя носит? – Белла тащила тяжелую супницу и очень боялась уронить её.

Яромир кинулся на кухню, взял там большой серебряный половник и бегом обратно – с торжественным видом понёс его рядом с супницей.

- Хлеб не забудь, - Мелитон на сервировке стола иногда воображал себя слишком взрослым, и младшим хотелось запустить в него куском торта.

Дед и бабушка вышли чуть позже, когда все было готово. Сели во главе стола. По правую руку от них были отец, мать, а дальше Мелитон, Яромир и Белла. По левую – троюродный брат отца, Михаил, тётя Настасья, а после них Константин и Наташа.

Есть можно было после того, как бабушка и тётя Настасья помолятся.

- Уха не очень, - дед еще не отошел от своей язвительности.

- Игнатий Георгиевич, я её не готовила, - усмехнулась тётя Настасья, - Программу уж четвертый день не меняли.

- Тогда приелась. Пусть борщ будет.

- Завтра приготовишь суп с клёцками, - в кулинарных делах бабушка была главной, - И голубцы.

- На озёра заезжать будем? – отец решил сменить тему.

Наташа распахнула глаза и хотела закричать «Хочу, хочу!», но Костя ногой пихнул её под столом.

- Уже порт к Олешковым проплатили. На озера они и так заглянут. Лучше через Старобельск пройдем. Им будет полезно посмотреть, - дядя Михаил подвинул к себе грибы, - И не задержимся.

- Да, успеть надо, - кинула бабушка.

- Значит мы в гости идём? – не утерпела Белла.

- Идёте, идёте, - успокоила её мама.

Говорили еще о втором крыльце – его надо было чинить, а дядя Михаил все никак не мог взяться за дело. Бабушка ругалась на бельевую веревку и блок, который учудил отец.

- Мы не оборванцы какие-нибудь, у нас стиральные машины работают...

- Но я, когда над медоносами шли, всё повесил. Пусть пахнет.

- Ароматизаторов купи, - скрипела бабушка, - А лучше детей на горы свози. Пусть полетают.

- Парапланы после карнавала.

- Помню я всё, не повторяйся.

Ужин кончился - полагалось убрать посуду, сменить на столе скатерть. Но всё это было не важным – побывать у Маринки хотели все.

Её зывали по телефону. Она стояла с гребнем в руках, вытряхивала перед зеркалом хвою из прически, и только кивнула в ответ – заходите.

Большая дверь слева от камина. Базальтовые, стеклянистые лутки, гранитный порог, а сама – из листов меди. Открывать её могли только взрослые.

- Возвращаемся к темноте, - напомнил отец, - Кто опоздает, будет ещё и тригонометрию изучать.

С той сторону Ядвига Марковна открыла свою дверь, и получился простой ход. Отсюда туда. Все пятеро побежали, торопливо поздоровались с хозяйкой и вот уже Маринка ждёт их на берегу.

Север. Здесь всегда какой-то особенный свет и Яромиру казалось, что он идет из-под земли. Озеро было синим и глубоким, а сосны вокруг совершенно сказочными. Хотелось поверить и в оживающие камни, и в жар-птицу.

- Я первый! – Костя пробежал по причалу и рыбкой скользнул в холодную воду.

Остальные, на бегу снимая штаны и сандалии, плюхались за ним.

Но Маринка удивила всех - она спокойно пошла по воде. Как по пляжу.

- Ого! – только и сказал Мелитон.

Белла попыталась вынырнуть так, чтобы схватить задаваку за щиколотку, но та вдруг заскользила по спокойной воде, как по льду. Сандалии оказались вместо коньков, и она умудрилась выполнить какой-то хитрый фигурный прыжок, названия которого Яромир никак не мог запомнить и постоянно путал с шубой.

Маринка насладилась удивленными глазами и отвисшими челюстями. А потом нырнула в воду ничуть не хуже Кости – блузка и джинсы обернулись купальником.

Оказалось, что у неё есть еще несколько сандалий, в которых можно ходить по воде.

Тут уж всем захотелось попробовать и остаток дня бегали по озеру, играли в не пойми что – то ли футбол, то ли ватерпол. Яромир попытался разогнаться так, чтобы запрыгнуть на пристань, но рассадил колено – сегодня явно был не его день.

Всё было чудесно, только время от времени со столика, вынесенного роботом-барсуком на ту же пристань, приходилось брать стаканы с гоголем-моголем янтарных оттенков, и выпивать их до дна – иначе начинали стучать зубы, и ноги сводило судорогой.

И вот, когда наконец придумали все правила новой игры, и осталось только принести из дома кольца для мячей – Мелитон спохватился.

- Баста! - все недовольно загудели, - Пора! А то ещё отец заставит названия легковых машин учить.

Время кончалось, но ещё было – только начинался закат. Барсук притащил из дома часы, все увидели, что можно спокойно посидеть, выпить чаю. Костя никак не мог отойти и руками показывал, как надо нырять с места да еще с двойным поворотом.

- А через неделю мы еще раз придем? Твоя мама разрешит нас пригласить? - спросила более практичная Наташа.

- Да, - довольно улыбнулась Маринка, - Только не сюда, тут полмесяца теплого времени кончаются, мы южнее откочуем.

- И куда?

- Секрет, только там есть речка с водопадами... и много еще есть.

Со скрежетом начали открываться двери внутри дома.

Дома солнце уже давно закатилось, и от густых сумерек за окнами дом отгородился вышитыми гобеленами.

- Ты видел? – спросил Яромир брата, - Они еще башню пристроили, да еще с какими-то стручкам гороха.

- Это мода такая, - Мелитон только пожал плечами, хотя было заметин, что старший брат прикидывается равнодушным.

Утром следующего дня дом остановился над одним из старых мест. Все вышли наружу, «подышать свежим воздухом». Ковыль здесь не рос, а только мелкая трава и какой-то

бурьян, похожий на крапиву. Домов вокруг не было, лишь остатки фундаментов выступали из-под земли, будто камни из-под воды – только вот отлив всё никак не начинался. И ещё было немного асфальтовых и вымощенных плиткой дорожек, по ним и ходили. Если бы не редкие деревья, можно было бы взобраться на любую глыбу и рассмотреть все руины целиком.

Яромиру было скучно и немного тоскливо.

Зато дед с бабкой оживились, перемещались от одного железобетонного «надгробья» к другому, и на планшете рассматривали, каким город был раньше.

Родители надели очки с «виртуальностью» и ходили где-то далеко – им просто было интересно побродить по местам прошлой славы, послушать разговоры тогдашних людей, посмотреть на них.

Детям тоже выдали планшет, и Яромир видел улицы, полные народа, машины. А еще пустые переулки, разбитые фонари.

- Дед этого уже не застал, - Мелитон был задумчив.

- Так чего ему всё интересно?

- Рассказы. В его детстве все разговоры были только об этом, - Мелитон обвел рукой скелет города, по которому бродил ветер.

- Так его и марки цемента зубрить заставляли? – Яромир не поверил.

- Не знаю. Только вряд ли заставляли, тогда все это и так помнили. Вживую.

- Пошли вон туда, - Наташа потянула Мелитона за рукав, - Там посидеть можно.

И точно – там, куда она показывала пальцем когда-то был крошечный сквер. Уцелело две скамейки, но почему-то не выросло ни одного дерева.

- Здесь хорошо картошку печь, - вдруг сказал Костя.

Мелитон молчал. Он всегда был главным среди детей, и во всех похожих случаях остальные старались делать как он. Старший сын просто слушал ветер, редкие звуки голосов, и скрип камня под подошвами. Иногда он вызвал на планшете фотографии или даже видео, но звука не включил ни разу. Прапрапрадед жил здесь, на улице Октябрьской. Работал с «токарным станком» - Яромир видел, что это такое, но ему совершенно не нравилось, что предок тратил день за днем на нудную и глупую работу. Ему много раз объясняли, что раньше так жили все, но услышать объяснения взрослых это одно, а принять, почувствовать – это совсем другое. Мелитон рассказывал, что многое понятно после карнавала.

Так они просидели до обеда.

Только последний человек поднялся на крыльцо, дом помчался на север.

Весь остаток дня бабушка, мама и тётя Настасья потратил на приведение детей в порядок. Достали костюмы, платья. Вместо кед в дело пошли начищенные ботинки. Мелитону пришлось даже примерять галстук. Одновременно детям все уши прожужжали о том, что надо быть вежливыми и обязательно, непременно с кем-нибудь подружиться. Яромир не понимал, как можно вообще ни с кем не подружиться в большой толпе, и если делать это под дедовским надзором, то наверняка ничего не получится. Но на все вопросы старшие не отвечали, а только еще старательней наводили лоск на детские костюмы.

Когда все пятеро вышли в большой зал, и попытались чинно усесться за столом, первой не выдержала и засмеялась Белла – они так напоминали куклы из коллекции прадеда, что казалось их прямо сейчас можно рассадить в старой комнате под стеклом. Но как только все нахохотались, сверху вышел дед. Его худое, вытянувшееся лицо не предвещало ничего хорошего.

- Кроме Мелитона прошлого карнавала нормально никто из вас не помнит. Наслушались только много и еще больше насмотрелись. Так вот, кто в неприятности влипнет, тот с развлечениями надолго потом завяжет. А главная неприятность какая?

Дети молчали. Младшие не знали, что ответить, а Мелитон не портил игру.

- Соображайте, - дед погладил седые бакенбарды и выдержал еще одну театральную паузу, - А вот какая: если о семье плохо подумают. По отдельности каждого из вас вытащу, никаких денег не пожалею. Но если через вас беда для всех настанет, то всё.

- А как узнать? – Наташа спросила своим серьезно-старательным голоском.

- Тут я посоветовать не могу, самому головой придется работать.

Яромиру пришёл на ум поджог или даже таран дома, но всё это были сказки, только для игрушек.

- А сейчас спать, - мама, зевая, прикрывала рот ладонью, - Устала я с вами, модники.

Но карнавал начался совсем не так как ожидали дети, даже Мелитон удивился. Когда еще не сошел утренний туман, дом завис под пеньком посреди случайной вырубке. Было видно, что роботы прошлись здесь совсем недавно, и даже опилки еще не успели намокнуть под дождем.

- Тут совсем немного пройти, - отец почти что за руки вытащил из дома детей, еще не завитых и не надушенных, - Пень вместо последней ступеньки и вон туда, к бывшей опушке.

То был малинник, и всем пришлось собрать по несколько горстей ягод.

- Тут же и съедаем. Витамины незачем нести в руках, если можно спрятать в желудок, - неуклюже пошутил отец.

- Зачем? – удивленно спросил Мелитон, и все поняли, что это не по поводу ягод.

- Ты был на южном карнавале, а это северный. Его не нужно принимать слишком всерьез,

- улыбнулся отец, - Быстро одеваться.

Не успели девочки повязать банты, а мальчики еще раз вычистить туфли, как из окон стали видны другие дома. Яромир бывал в гостях много раз, но страшно удивился почти прозрачному дому в виде бублика, и какому-то разросшемуся комку теста.

Все, как пчелы на мед, летели в сторону старой Андреевской церкви. А там уже начал возникать, будто из пустоты, настоящий город. Дома строились в улицы, переулки, проспекты. Водили хороводы над будущими площадями, а потом неспешно опускались на землю. Некоторые громоздились друг на друга, и получались карикатуры на небоскребы прошлых веков. Смотрелось всё это очень весело. Вместо тротуаров тут были железобетонные плиты, которые Яромир видел в старом аэропорту.

Дверь рядом с камином как-то по особенному ухнула, заскрежетала медь, а потом заскрипел камень.

- Порталы отключены на время карнавала, - бархатным голосом проговорил дом.

Вместо неё родители открыли парадную дверь и парой, держа друг друга под руку, спускались с крыльца. Дяд Михаил и Настасья Ивановна тоже собирались на выход.

- А мы? – удивилась Белла.

- Делайте что хотите, - махнул рукой отец, - У нас свои дела.

Мать отвернулась, и они быстро ушли за угол.

- Сегодня все выставляют аттракционы, весело будет, - Мелитон решил, что сейчас он лучше всех сможет рассказать про развлечения карнавала.

Они высыпали на улицу – и там было на кого посмотреть и чему удивиться. Так много людей дети видели только в играх про старые времена. Но в каждой игрушке персонажи были хоть немного похожи, а здесь все отличались. Одежда любых фасонов, непонятные прически. Костя совершенно обалдел, увидел человека с третьим глазом, а Наташа стала показывать пальцами на компанию, одетую в пламенеющие тужурки.

- Я ж все это вам по десять раз пересказывал! - Мелитон невольно тянул их всех за собой.

- И показывал, - только и смог сказать Яромир, - Но мы в это не играли. А тут будто! Будто я не знаю что!

Приходилось перекрикивать шум заполненной людьми улицы.

- Что я вам ещё говорил? Ну, вспомнили... Или будем весь день стоять? – Мелитон дернул за рукав Беллу, чтобы та убралась с дороги здоровяка, обвесившего себя целыми пластами зеленого искусственного жира.

- Игрушки? – протянул Костя.
- Аттракционы! – вспомнила правильно слово Наташа.
- За мной, и не отставать!

И тут Яромир понял, что следующего карнавала он будет ждать изо всех сил. Чтобы быстрее пришел. Потому что никакая виртуальная игрушка, даже в очках, или на подвесах, не сравнится со всеми развлечениями города, который возник из пустоты.

Они стреляли из пушек в дом-подушку, и ветер держал их над площадью. Они невредимыми прошли сквозь пламя и разгадали секрет подводного лабиринта. Пытались удержаться на большом скачущем пауке, боксировали с кенгуру, разрубали змей, ловили живых солнечных зайчиков.

А еще было много лакомств по бокам каждой площади, и подавали приветливые роботы с мордами животных, а иногда и «живые» кусты. Взрослые вокруг тоже развлекались как могли – катались, взлетали, стреляли. Их, правда, было немного, зато по улицам ходили все дети города.

Никто потом не мог точно вспомнить, как началось знакомство с йоликами. Может, Белла пошутила насчет их шапок с бордовыми кисточками, может, Мелитон в тире уступил винтовку самому ловкому. Но не прошло и получаса с первых слов, как они уже были знакомыми, едва ли не лучшими друзьями, и знали друг о друге почти всё.

А потом старший брат – Зоил - оглянулся на младших, близнецов, и степенно пригласил новых друзей в гости. Мелитон так же степенно принял приглашение. Можно было, конечно, посоветоваться с родителями, но на что карнавал?

Йоликов было четыре больших семьи и жили они в самом настоящем замке. Абсолютно средневековом – даже ворота были с откидным мостом, а чтобы зайти внутрь Зоил трижды протрубил в маленькую раковину, которую нес на поясе.

Встречала их древняя, сгорбленная старушка, вязавшая на спицах. Равнодушно кивнула входящим, и только. Три брата жили в башне, на одном из средних этажей. Они разожгли камин, поставили вертел, Рафаил сбегал за мясом с ледника. Гостей посадили на табуреты и подвинутый от стены сундук.

- А математику вы учите? – первым делом спросила Белла.
- Да я до тысячи считать умею, - не без гордости сказал Зоил. Маша могла засмеяться, но Мелитон пихнул её локтем в бок.
- Зато мы в лесах охотимся, - Гастроил показал всем птичий череп, - Я сам фазанов уже во как хорошо стреляю. А как побольшаю, отец меня на тура возьмет.
- Вот ведь хвастун, - хмыкнул Зоил, - Ты б еще медведя приплёл.
- За медведя я не вру. А тура да, обещали мне.
- Слушай, - Яромир понял, что засадил в палец шикарную занозу, - Какой робот вам табуреты делает? Нельзя его перепрограммировать?
- Сидушки? Мы сами делаем, - удивился Рафаил, - тут вообще всё мы сами сделали.
- А вот это что?
- Это? Светец. В него лучину вставляем, зажигаем. И вообще, давайте есть.

Было много ягод, какие-то корешки, морковка и яблоки. Мясо жарилось на огне, и гости смотрели на него голодными глазами, хотя уже и накушались сладкого в городе.

- А спите вы где?
- Вишь, веревки от гамаков? Отлично спать, и крысы не страшны.
- Тут есть крысы? – Наташа удивилась абсолютно искренне, она помнила, что крысы боятся надо, но ещё не видела ни одной.
- Иногда заводятся, - Рафаил понял, что сболтнул лишнего.

Стали говорить о лесах – кто где живет. У йоликов были самые обширные угодья и жили они самой настоящей охотой. Когда Яромир рассказал, что их дом кочует на многие дни пути как захочется хозяевам – удивились, зачем это. Так же можно потерять свои угодья и не вернуться к ним.

Рафаил полез за своим арбалетом, и они с Яромиром отсели на второй сундук - принялись выяснять, как ловчее стрелять дичь, и как лучше работает механизм. Йолик ровным счетом ничего не понимал в механике – стрелял всегда только на глаз, да и прицелов на арбалете не было. Рассуждения Яромира он воспринял как хвастовство и немного как магию – в ответ немедленно рассказал, что нельзя стрелять благородных оленей, потому что двоюродный дед Рох превратился именно в оленя.

Потом подоспело мясо. Зоил разрубил его на куски большим тесаком, и оделил каждого порцией на оловянной тарелке. Запаса вилок не оказалось, потому все пользовались ножами.

- И вы к нам приходите, - Мелитон произнес традиционную фразу ответного приглашения, как только был съеден последний кусок.

- Непременно будем, - вежливо склонил голову Зоил.

Когда дети выбрались на улицу, желание заговаривать с чужими у них куда-то пропало. Нет. Йолики были прикольные ребята. С ними хорошо было бы сыграть в футбол. Но жить так всю жизнь – при лучине, с крысами и мечтой завалить быка – тут было что-то не то. Даже Костя почувствовал.

Но смутные детские опасения не пережили встречи с первым же аттракционом – если только не считать задумавшегося Яромира, да еще Мелитон был подчеркнута равнодушен. А потом были «гигантские шаги», «проходы через зеркало», «мухлёж» и множество иных придумок. В голове у Яромира кипело от впечатлений.

С началом темноты – стали зажигаться тысячи фонарей, выросших из стен и крыш домов. Они были такими же странными, как и сами дома: белые светящиеся веревки, желтые шары в лакированных коробочках, синие пульсирующие комки, даже мраморные статуи, которые вроде бы не походили на лампы, но разгоняли тьму вокруг себя. Одна такая статуя, мраморная голова с резкими чертами лица, напомнила всем деда – дети засмеялись. Но усмехавшийся Мелитон вдруг спохватился, и увел всех спать. Костю пришлось вести за ухо.

Дед, который оказывается никуда не выходил, встретил компанию довольным кивком и отпустил по спальням. Всем казалось, что они не уснут до полуночи. Будут вспоминать день, однако завтра ожидалось не меньшее количество развлечений, и хитрые детские организмы сами поняли, что надо как следует выспаться.

Второй день не то, чтобы разочаровал, но того сказочного удивления почему-то не принес. Особенно Мелитону – все детские аттракционы вдруг начали казаться скучными и пресными. Он прибил к волейбольной команде, которая пока состояла только из восьми человек, зато была сетка и с его приходом стало можно хоть как-то играть четыре-на-четыре. Младшие дети поглазели на это, поглазели и разошлись в разные стороны. Костя, Наташа и Белла умчались дальше, Артур стал искать футболистов, которые не были бы на две головы выше его. После обеда всем почти одновременно вспомнили, что есть же старые знакомые, они ведь наверняка тоже развлекаются на этом сборище, и можно их найти, узнать, чем занимаются.

Когда Яромир по наводке дома, искал Алёшку, он увидел рядом с одним из трактиров что-то непонятное в аквариуме. Подошёл ближе – это был настоящий дуб. Он рос в ящике, а вокруг была такая же маленькая, почти незаметная трава, и еще там дул ветер, который срывал с ветвей пожелтевшие листья. Гном на вывеске кричал, что внутри есть много таких же «миниатюр». Стало интересно.

В полуподвале действительно выставялось несколько десятков самых разных «аквариумов», в каждом своё дерево. В стекле и серебре – осенняя береза. В обрамлении стали и малахита – красовался куст смородины. Самой большой здесь была лощина с орешником, она будто плавала в водяной колыбели. Яромир не понимал почему, но ему хотелось рассмотреть каждый листик. Упирался носом в стекла, и приходилось вытирать ладонью - запотевали.

- Нравится?

Сзади прохаживался худой лысый человек с венком из листьев на голове.

- Очень! Но это такой фокус, я знаю, вы мониторы ставите, ну от компьютеров? – Яромир уже представлял, как сделает у себя в комнате что-то похожее, вместо надоевшего кактуса.

- Они у меня настоящие, живые, - художник улыбнулся.

- Ну это, - Яромир попытался руками изобразить ветер и дождь, - Вокруг них всё есть! Там целый лес, его просто не видно.

- В этом-то и секрет. Хочешь одну такую?

Яромир усиленно закивал.

- Вот эту, - он показал пальцем на пять сосен в гранитном обрамлении.

- Ну, это слишком большая вещь для твоего дома. Ты ведь второй сын «Увальня», и живешь под тремя башенками?

- Про увальня ничего не знаю. А я действительно второй, и есть три башни в доме.

- Тебе подойдет вот это, - художник показал на маленькую вещицу, там, кажется, был ясень, - И расти она будет вместе с тобой.

- Спасибо, - на секунду Яромир даже хотел обидеться, но вспомнил про вежливость, да и ясень был красивый, - Мне можно это взять?

- Он тяжелый, уронишь где-нибудь или забудешь. Я вышлю его тебе домой. Беги развлекаться, - художник мог бы сказать, что в семье Яромира ещё не разучились ценить искусство, и рассказать мальчишке целую лекцию о единстве дерева и души, но он ждал покупателя. Единственного на карнавале человека, готового платить за творения подлинную цену, а не считать их сувенирами. Потому он быстрее отослал сына своего старого приятеля.

Яромир побежал дальше и скоро отыскал особняк, в котором жил Алёшка, но тот с какими-то случайными приятелями разыгрывал большое сражение среди солдат-киборгов, и отвлечь его не удалось. А ещё друг называется. Лучше уж мяч гонять.

Под вечер сбор повторился – Мелитон обошел все места и, как репки из грядки, выдернул братьев и сестер из вихря развлечений. Белла хвасталась ручной белкой-летягой.

На третий день, когда уже была собрана волейбольная команда, когда Костя и Наташа с сестрами Волопасовыми готовили кремовые сапоги, а Яромир перешел от футбола к фигурному катанию – Маринка блистала серебряными коньками, а ему хватило и обыкновенных – тогда Мелитон вспомнил, что кого-то надо пригласить и к себе. Решил посоветоваться с остальными. Йолики категорически не годились - они бы принялись выпрашивать о сотнях предметов в доме, Белла начала бы хвастаться, и всё бы неизбежно плохо кончилось. Костя предложил накормить кого-то из тихих сумасшедших, которые в кои веки вышли из своих домов и теперь во множестве бродили по улицам – там, мол, будет быстрее, а задание они выполнят. На него самого посмотрели как на сумасшедшего, а Мелитон выписал ему подзатыльник. Потом старший брат подумал сам, и выбрал обвешенных финтифлюшками брата и сестру, почти его возраста. Туржаитов. Для симметрии, чтобы не разговаривать с ними в одиночку, Мелитон до конца дня увел с катка Яромира. Тот был жутко недоволен, но обязанности свои еще не забыл.

Обедали перед камином, за большим семейным столом, все старались вести себя чинно, благопристойно, хотя и получалось не очень. Завели разговор на отвлеченные темы.

- У вас семья большая? Много родственников?

- Нет, у родителей на столько двое. И дом маленький.

- Зато уютный, - вмешался Самарий, - Прадед оформил его под коттедж, очень много света и воздуха.

- Окна от пола до потолка. Во всю стену, - поддержала брата Ольга, - Стены из соснового бруса, на полу паркет. Узор квадратами. Рыбки из проволоки смастеренные, на лесках висят.

- А кто в прислуге? – Яромир почти представил себе этот полупрозрачный дом, только никак не мог понять, где хранятся все те браслеты, бляхи и серьги, в которых щеголяли гости.
- Стекланные богомолы, такие, по пояс, - показала рукой Самария.
- А у нас дед с бабушкой классику организовали. Часы вон, с боем. Аквариумы с золотыми рыбками по комнатам на втором этаже, - в ответ начал рассказывать Мелитон.
- И эти, как их, - на секунду задумалась Ольга, - Канделябры литые у вас еще наверняка есть. Бронзовые.
- Мы уже были в похожем доме, - пояснил Самарий, - Еще давно, через телепорт. Тогда прапрадедушка с кем-то договорился, и мы там целый день просидели. Хозяева почему-то ушли.
- Ух ты, он у вас еще живой? – удивился Яромир.
- Почему живой? – в ответ пожал плечами Самарий, - Помер еще до моего рождения. Яромир удивился ещё сильнее, но почти сразу понял, что надо закрыть рот.
- У нас все предки до пятого колена в компьютерах живут. Своими делами занимаются, - Ольга объясняла самоочевидные для неё вещи и чуточку хвасталась, - Как кто из наших помрет, его в анабиоз кладут, ну это, в холодильник. А чуть позже оживляют. У нас, туржаитов, есть еще свой, отдельный не карнавал даже, а фестиваль. Слетаемся к острову Мертвых. Там таинство и происходит - душу из тела в компьютер и перегоняют.
- И все эти предки – как вы с ними общаетесь? Им же скучно - сидеть в ящиках целую вечность, - корректно осведомился Мелитон.
- Так они всегда с нами. Через это, - Самарий дотронулся до обруча у себя на голове, - Смотрят, слушают и подсказывают.
- Ээ... Того не ешь, туда не ходи? Чтоб со мной всю жизнь дед был? Нет, я лучше обойдусь, - Яромир скривился.
- Зато у тебя аура мощная, - Ольга посмотрела на него сквозь пенсне, которое до того болталось у неё на поясе, - И с речными духами ты бы запросто сговорился.
- А они не ссорятся, я имею в виду предки? Если компьютерных личностей больше, чем таких, обыкновенных, то впечатлений на всех не хватает? – Мелитону было куда интереснее, хотя он и не показывал так откровенно своего любопытства, как Яромир минуту назад.
- Бывает, и ссорятся. Только без нас, - брат с сестрой одновременно засмеялись, - Чем предки в астрале занимаются, нам знать не положено. Хоть стенка на стенку идут. Но с живыми они всегда порядок держат.
- То есть в наушнике единственный голос, толпы нет?
- Ха-ха, нет конечно, этого никогда не было, - мотнул головой Самарий.
- Занятно, занятно.
- Лучше скажи, Мелитон, турнир по волейболу делать будем? – Ольге стало скучно, - Если поискать, на четыре команды наберется.
- Четвертая будет совсем никакой, хотя попробовать можно, - согласился старший брат.
- На крайний случай, пригласим кого из взрослых, пониже...

Заскучал и Яромир.

Он вдруг вспомнил, что дед с бабушкой так и не вышли из дома. Кивнул брату, гостям, выскочил из-за стола. Но на лестнице, перед дверью в дедовский кабинет услышал печальную, монотонную мелодию. Значит, дед вытащил из шкафа виолончель – у него отвратительное настроение и он совершенно никого не желает видеть. Дверь в верхнюю мастерскую тоже была заперта, и оттуда доносился стрекот швейной машинки. Яромир решил, что они все аттракционы видели по сто раз, им скучно, и вообще, лучше их не трогать.

Побежал на каток. Но чем больше он катался и пытался прыгать, чем больше шутил с Маринкой, тем острее волновал его вопрос о вечной жизни в компьютерах. И ещё – йолики. В их дикой жизни было что-то граничное, предельное. Вот еще чуть, чуть и край,

обрыв. Почему – Яромир не мог понять. После ужина он долго разговаривал с домом, выпрашивал подробности. А когда остальные дети ушли спать, Яромир остался в кресле у камина, дожидаться прихода родителей.

Они вернулись за полночь, разбудив его звуком упавшей вазы. Мама прошла к себе, а отец, увидев Яромира и, сообразив, что у того возникли какие-то уж очень важные вопросы, пошатываясь прошел на кухню. Появился оттуда спустя четверть часа, совершенно трезвый с бокалом зеленовато-коричневой булькающей жидкости. Устроился в кресле напротив сына.

- Ты удивился чему-то так сильно, что решил поговорить со мной, не дожидаясь утра, - он отхлебнул из бокала и поморщился.

- У нас в гостях туржаиты были... - начал Яромир.

- И банда виртуальных предков оберегала их от несчастий, - кивнул отец.

- Ихние прадеды и прабабки...

- Их прадеды и прабабки, - поправил его отец, - А если совсем точно, то туржаиты верят в наличие виртуальных предков. Они много во что верят, только почти все полный бред и ахинея.

- Но ведь они помнят все события, это не подделаешь, - удивился Яромир.

- И мы не знаем, правда это или ложь. Может быть, идет сканирование только памяти, без воли и характера. А потом единственная программа изображает толпу родственников.

Яромир, не понимая, наморщил лоб.

- Там, в компьютерах, не личности, а только их память. Технологически и юридически это куда проще. А люди как умирали, так и умирают, разве что с блаженной улыбкой на устах, думают, что им вечная жизнь гарантирована. Видимость есть, а человека-то, человека уже нет.

- Это точно? – не поверил он.

- Понятия не имею. А вот насчет йоликов наверняка скажу – превращения в зверей у них половинчатое. Немного характера и пару образов из памяти, чтобы своих узнавать. И всё.

- Но почему не рассказать им...

- Хватит, - отец залпом осушил бокал, - Кхе, какая гадость... Послезавтра мы гостей принимаем, вполне себе взрослых. Будешь сидеть за столом, молчать, кое что услышишь. Или они могут с собой кого привести, тогда поговоришь. Ладно, сейчас – спать. Пошёл, пошёл, все вопросы завтра.

И отец, мотая головой, сам поднялся из кресла.

С утра был волейбольный матч, потом Наташа объелась ананасового повидла, дом выдал сигнал тревоги, и Яромиру пришлось тащить её от «Трёхпоросяточной харчевни» до постели. Каток, вывихнутое колено, вылеченное колено, снова каток. Драконы над городом, а потом гигантские чайки, плюющиеся арканами.

Потом испуганно кричал Костя, дом передал его вопль. Но всё хорошо закончилось. В лотерею разыгрывали полет на Луну – один билет в оба конца – и Костя выиграл. Тут же какая-то тётка попыталась отнять выигрышный квиток. Её почти мгновенно парализовало, а потом куда-то утащило, но Костя испугался совершенно озверевшего лица.

- Ничего страшного, на Луне она бы все равно не спряталась, а теперь ей только хуже будет, - утешала Костю мама, примчавшаяся на место розыгрыша за две минуты, - Вытри личико, успокойся.

- Не хочу я никуда лететь. Мама, отдай им билет.

- Так тебя бы одного и не пустили, туда взрослые нужны. Мы сейчас билет на леденцы поменяем.

- От тебя пахнет странно...

- Это нормально.

Мать так и не сняла больших черных очков и ушла сразу же, как Костя перестал плакать.

Дом напомнил Яромиру о приходе гостей за полчаса – еще надо было успеть повторить фокус с парадным костюмом, причесаться и вообще, превратиться в куклу.

Яромир, увидев пару выставленных по случаю серебряных подсвечников, усмехнулся – не бронзовые канделябры, зато красивее, и рукавом за них не зацепишься.

Гости были странной семьей – хотя на карнавале Яромир успел привыкнуть к заливчатским и совершенно отморозенным странностям. Говорили быстро, смотрели порой сквозь собеседника, и ещё могли поменять за секунду несколько выражений лица, будто примеряли маски. Много улыбались – вполне искренне и тепло, но совершенно непонятно почему.

Их сын, на год или два младше Яромира, вел себя точно так же.

Расселись по разные стороны стола, но дети больше слушали, а разговор взрослых укатился по намёкам и цитатам куда-то так далеко, что Яромир понимал с пятое на десятое. Это его очень злило.

- ... что слышно в системе, Николай? – спросила мама.

- Европу, которая около Юпитера, терраформировали, но для гоминидов подходят только два клочка-резервации. Остальное заточили под электронику. Не фонтан. Если будут предлагать перевозку – не советую. Марс – еще куда не шло, но Европа...

- Думаете, зачистят?

- При первых колебаниях котировок, - кивнул гость, - Биржа неустойчива.

- У машин не было доказанных противостояний? – отцу тоже было интересно.

- Локальные конфликты по Морю Ясности, свечение можно было наблюдать в стандартный телескоп. Нет, не взрывы и ничего похожего. Затравочное перепрограммирование – были бы там светлячки, они бы отжигали по двадцать пять ватт.

- Земля?

- Хомо-заповедники под контролем. Ни одна из сторон не размещает близко от поверхности сколько-нибудь ценные производства, - выдал скороговорку Николай.

- Или размещает, - улыбнулась его жена.

- Тот комплекс в Липках это липа классическая.

- А в каждой классической липе сидит настоящий... - она не договорила, но гости синхронно кинули хозяевам, дескать, если что-то там и есть, то мы этого не подтверждаем.

- Маргарита, появлялись крупные личности с человеческими чертами характера? – настала очередь матери спрашивать.

- Ни одни из жестяных мозгов первого ранга на человека не похож. Совершенно. Тут мы можем быть спокойны, ревность исключена, только бизнес.

Николай на секунду прикрыл глаза.

- Если вас не интересуют окна из колодца наверх, то чего же вы ищите?

«Колодец? Притяжение Земли, что ли?» - пытался догадываться Яромир.

- Они не будут расширять допустимый энергетический и технологический коридор возможностей, - весьма холодным голосом сообщила Маргарита. Черные глаза на её треугольном лице вдруг показались Яромиру парой черных тараканов, которых он когда-то держал в банке.

- Мы не так наивны, Марго, - улыбнулся отец, - Нас интересует демография и разнообразие человеческой комедии. Не хотят ли там, - он ткнул вилкой в сторону потолка, - прикрывать лавочку.

- Антропоморфизм сохранится в прежних девиационных рамках. Корреляция с эталонными образцами продолжится регрессивным способом.

Яромир закашлялся. Отец сделал вид. Что не слышит, мать – изогнула бровь.

- Это означает, что людям не будут позволять окончательно скотинеть или преобразаться в машины, а карнавал останется главным событием семилетия, - пояснил сидящий напротив мальчишка. Заметно было, что тот не испытывает к хозяину тёплых чувств, но так же ясно было, что с кулаками на Яромира не бросится.

- Отбор семейств, вот в чём основной вопрос. Будут ли они снимать фигуры с доски? В ближайшее время? – как ни в чём ни бывало продолжил отец.

«Будут ли они убивать». – Яромир сам не понял, как додумал эту фразу.

- В эти отчеты я не заглядывал, да и человеку заглянуть туда особенно проблематично.

- Однако по косвенным данным юридическое обеспечение сохранится на стационарном уровне, - возразила Маргарита.

- Изменить его – дело пары минут

- Но сопутствующие эффекты, - снова взгляд глаза-в-глаза и снова синхронный кивок хозяевам. Решайте сами.

- Они не вводят коррекцию по энергопотреблению... - хотел задать вопрос отец, но гость его проигнорировал.

- Вы не пользуетесь церебральным каналом данных, не общаетесь с машиной в прямом режиме, - он постучал себя по виску, - Учёба по старинке, с дисплея. И меня всегда удивляло, что вы не следите за внешним миром.

- Тогда бы мы стали такими же как вы, а вернее, наполовину машинами, - улыбнулась мама.

- Но Эльвира, это наш единственный шанс хоть что-то понимать, знать, быть свободными, - ответила ей Маргарита.

- Не по плечу нам такая задача, надорвемся мы с неё, - вздохнул отец, - И если опустить средние строчки в длинном решении уравнения, то я отвечу просто: среди вас многовато воплотившихся, тех, кто окончательно стал машинами.

- Но и вы наш резерв, - Николай скопировал вздох отца, - Кто-то ведь жаждет знания, и регулярно оставляет расслабляющий досуг, чтобы окунуться в пену форвардных котировок на открытия в физике и, может быть, даже собрать немного настоящих денег.

- Такое редко бывает, - ответила ему мать. – У наших семьи крепкие.

- Но этот хилый переток позволяет нам закрыть недостаток в кадрах. Без вас мы бы зависели от лимита на клонирование, – парировала Маргарита.

Они спорили еще долго. Колкости сменялись рассуждениями об усовершенствовании домов – может быть, теперь позволят удвоить возимую площадь, как раньше открыли телепорты. Новые колкости по внешности, и ответные по продолжительности жизни.

Уже пришли братья и сестры Яромира, их спровадили наверх, а разговор всё шел и шел.

Наконец они ушли, родители провожали их еще на крыльце, договаривали.

Яромир почувствовал, как его трясут за плечо.

- Дед, ты спустился? А мама? – он протёр глаза.

- Родителям сложнее чем тебе, детей и стариков карнавал почти никогда не забирает, так что говори со мной, - дед щелкнул внука по носу.

- Что с твоими бакенбардами?

Тот посмотрелся в полированный бок сахарницы.

- Зеленею? Завтра последний день, ты тоже вот-вот начнешь меняться.

- Зачем? – внук сам побыстрее посмотрелся в кофейник. Он хотел, чтобы у него отросли клыки, и можно было бы прикинуться вампиром. Но вопрос «почему?» из головы не исчез.

Дед сел на освободившийся стул, достал трубку, набил её и со вкусом прикурил от маленького свинцового дракончика, которого обыкновенно носил в жилетном кармане.

- Нам надо как-то оставаться людьми. Ещё когда все начиналось, мы никак не могли решить, что отличает человека от машины или от животного. И что делать с двухговыми младенцами? А таких начинали программировать и рожать едва ли не десятками.

Яромиру было грустно. Он понимал, что дед объясняет ему то самое главное, чего он не понял или не услышал в разговоре, но всё равно – лучше бы он обожрался повидлом и просидел бы весь день на унитазе.

- И так появился карнавал. Машины уже стали главнее нас, и те, кто стал машинами, не очень любил оставшихся людьми. Нам оставили землю, но запретили иметь собственные

города, самим летать в космос и много чего еще запретили. Телепорты оставили, да и то по большим праздникам. А в день карнавала мы не можем быть самими собой.

- Зачем?

- Чтобы быть искренними в хлопке одной ладонью, понять других людей, - он подмигнул внуку янтарно-желтым глазом, с вертикальным зрачком. Веко тоже изменилось, стало тяжелым и посерело, - Каждый понимает мир по-своему, а договариваться надо. Вот все барьеры и падают, абсолютно все.

- Но тогда для чего мне учиться, ведь всё только игра?

Дед выдохнул колечко дыма.

- Мелитон отличный парень, за ним любой родич, как за каменной стеной. Но ему туго даётся учёба. А если мы перестанем разбираться в том, как работает дом, то рано или поздно станем очередными йоликами. Так что он всю жизнь будет играть, и держать семью в кулаке, а ты строить для него декорации, и заниматься домом. Так оно лучше выйдет...

Ещё одно колечко.

- Иди спать, утро вечера мудренее.

Яромир посмотрел на свои удлинившиеся когти и решил, что лучше заснуть.

Утро началось с визга Беллы. Запредельного, пронизывающего, истеричного – он сотрясал весь дом. А когда в спальню девочек прибежала мать, похожая на зеркальную куклу, визг только усилился. Её предупреждали о трансформации много раз, и она не испугалась, но вот проснуться большой прямоходящей болонкой со злыми рубиновыми глазами – это в её планы совершенно не входило.

Каждый мог рассматривать себе перед зеркалом. Мелитон стал похож на медного голема, тяжёлого, основательного, с широким ступнями и ногами на шарнирах. Костя стал жуком-бронзовкой. Яромир – деревянной куклой, вроде как липовой, с длинным носом и блестящими никелевыми когтями. Наташа пошутила, что он теперь может не мечтать о татуировке, как полгода назад, а вырезать её себе сам. Она же обернулась мраморной статуей, и всё бы хорошо, да к её рукам пристало яблоко, тоже мраморное, от которого она никак не могла избавиться.

Отец почти не изменился, только иногда выдыхал из ноздрей синее пламя. Дед обернулся человеком-волком с одним выпавшим клыком. А бабушка – невероятной куклой из десятков клочком материи, катушек с нитками. Дядя Михаил и тётя Настасья стали совершенно неотличимыми половинками человека: у каждого было по две ноги и по две руки, но вторые руки и ноги оказались прозрачными, и можно было, прижавшись срезами туловища, стать одним целым.

За вздохами, ахами и привыканием к новому облику прошло всё утро, и когда раздался первый удар часов на башне – в день маскарада от полудня до захода солнца их слышал весь город - сообразили, что ничего не ели с утра, и было бы неплохо подкрепиться.

Дел указал на дверь, и первый спустился по крыльцу.

На улицах царствовало буйство перьев, шестеренок, щупалец, локонов, игл, лап, языков, колес, клыков, хвостов, гребней, манипуляторов и всего, во что только может превратиться человек. Умопомрачительных оттенков и расцветок, любых запахов и непрерывного крика-разговора-шепота. Вся эта масса недавних соседей, приятелей, совершенно незнакомых людей и ближайших родственников – ела, пила, что-то вдыхала, кривлялась и приплясывала.

Не успела семья дойти до ближайшей харчевни, как Мелитон умудрился потеряться – наверное, он и не хотел быть сейчас вместе со всеми. Пообедали жареными осьминогам, орехами в масле и сливовыми напитками.

Со следующего часа включилась музыка и дом прекратил отзываться. Наташа заплакала, но отец сказал, что все в порядке, и к вечеру все закончится. Музыка постепенно

становилась все громче, существа вокруг торопились выпить – в воздухе все осязаемее пахло спиртом и носились какие-то запахи, от которых кружилась голова.

На улице толпа танцевала, кто-то уже пел, другие пытались забраться на дома. А строения оторвались от земли и тоже начали перемещаться, очень медленно. Чтобы никого не задеть, никому не переломать кости.

- Меня зовут Гладиус! – выкрикнул им в лицо бирюзовый попугай и растворился в хороводе.

- А меня Тамара! – заорала багровая ящерица с глазами на длинных стебельках.

Кругом все начали выкрикивать свои имена, и Яромир тоже закричал.

Музыка становилась все громче, усталости никакой не было и незаметно для себя, вся семья стала частью одного их хороводов. В центре стоял барабанщик с головой селезня, который выдыхал большие мыльные пузыри, взрывающиеся над головами, а перепончатые ладони заменяли ему палочки.

На стенах домов стали проступать неясные фигуры, а высоко в небе замелькали лазерные лучи.

Незаметно прошел еще час, второй. Сознание начало куда-то проваливаться, хотелось больше веселья, плясок. Яромир ещё заметил человека-улитку, странную брюхоногую пародию, на спине которой была сумка, вроде кенгуриной, откуда высовывалась еще одна улитка – и сообразил, что это мать с дочерью. Ноги сами плясали, руки прихлопывали и иногда бросали в рот лакомства с проплывающих мимо лотков. А потом он оторвался от руки отца и умчался по улицам в еще одном хороводе похожих на него по росту созданий. А в это время на соседних улицах кричали и плясали его недавние знакомцы. Рафаилу казалось, что лучше этого темного, дикого танца нет ничего на свете, и он почти забыл, какими глазами старший брат смотрел на всевозможные диковины, которые попадались им в гостях. А серьезный мальчишка с нейрошунтом в голове, тот гость, имя которого Яромир так и не узнал, старался проглотить побольше сомы – потому как вымуштрованное сознание подсказывало ему, где начинается иллюзия, как обманываются жители города. А раскрывать секрет было нельзя, даже у себя в голове, потому что за знанием придет отвращение к людям, которые этим знанием не обладают.

Яромир не помнил, сколько прошло времени. Сколько он услышал имен, и сколько раз выкрикнул своё собственное. Но вот заиграла самая быстрая, самая громкая и яростная мелодия и танец стал похож на чечётку, только вместо шелкающих каблуков хлопали ладоши. В такт, чтобы лучше попасть в соседское шупальце или в плавник.

Первый удар курантов – и облик вернулся к старому, привычному, настоящему. Упали маски.

Второй удар – и память воскресла, будто её и не вытесняли животные страсти.

А музыка длилась, ладони хлопали, и было еще целых пять ударов, чтобы подумать о собственной судьбе.

Яромир испугался, и вцепился, изо всех сил левой рукой схватился за соседскую ладонь. А правой промахивался – только хлопал ладонью о пустоту. Но с очередным ударом девчушка справа тоже схватила его за руку. Все вокруг лихорадочно пытались остановиться, прийти в себя и одновременно «заякориться».

Последний удар.

Дома остановились, воздух стал чист и прозрачен. Вокруг все больше улыбок и вздохов облегчения. Однако Яромир всё-таки увидел одиночку – он стоял у крыльца из темных перекрученных полос железа, держал руки в карманах и оглядывался на толпу.

Слишком презрительно?

Чересчур праведно?

Просто лениво?

Неизвестно, только вокруг почти сразу возникла пустота, его сторонились, как чумного.

- Дети, возвращайтесь домой, дети, возвращайтесь домой, быстрее возвращайтесь, - голос домового звучал в ушах все с больше настойчивостью.

Яромир знал, что с закатом карнавала дети уходят с улиц, и это общее правило. Вокруг спешили разойтись маленькие силуэты. Навалилась страшная усталость, и ноги еле шли. Дом подсказывал, куда свернуть. На крыльце его ждал Мелитон, остальные уже вернулись и улеглись спать прямо на креслах и стульях перед камином. Яромир решил, что ковер тоже мягкий и об очередной загадке карнавала он подумает на нём, но сразу провалился в сон.

Через два дня дом пролетал мимо старой угольной шахты. Дед вывел молодняк наружу – от города надо было отвыкать постепенно. Они вместе облазили все уцелевшие механизмы. А потом пришлось рассчитывать. Сколько угля эта шахта производила, сколько электричества потребляла и вообще, сколько людей там трудились. Хорошо, что считали все вместе, по задачку – удалось справиться за полчаса. А потом дед подумал и позвал отца. Вдвоем они притащили из дома настоящий страховочный трос, лебедку, ляжки, упоры.

Собрали катушку и стали осторожно, по одному, опускать детей в ствол шахты, на минутную экскурсию – дом признал её безопасной, в ближайшие годы там ничего не могло обрушиться.

Когда спускали Костю, Яромир с отцом вертели ручки.

- Этот одиночка? Его убьют компьютеры? Он теперь чужой?

- Чужой, это почти наверняка. Насчет убийства сказать не могу. Но что-то неприятное с ним случится. Можешь мне поверить, - отец следил за скоростью спуска и не забывал прислушиваться к обрывкам веселых криков из шахты, чтобы не пропустить момент, когда троюродному племяннику станет страшно, - Считай, что это единственная примета, в которую я верю.

- А что нам делать?

- То же, что и всегда. Учиться. Знать математику и технику настолько, чтобы приказывать дому, а не просто слушаться его советов. Иногда оглядываться на мир, узнавать, что делают сейчас компьютеры. И оставаться людьми. Не дикими и не заученными. Это занятие на всю жизнь. Да, Да!! Уже тянем!!!

Подошла очередь Яромира, он с любопытством вертел головой, представляя, как надоедливо и тяжело было спускаться сюда каждый день. Но глупых шуточек с тросом и заевшим механизмом он не боялся – верил семье. Еще ухал, как филин, чтобы услышать эхо. Кинул камень в темноту. Рассмотрел записи на стенах, но не успел прочитать. Было интересно.

Из глубин шёл еле слышный гул. Машины работали.